

У М Б · Е Р Т О

КАРТОНКИ
МИНЕРВЫ

UMBERTO ECO
LA BUSTINA
DI MINERVA

Содержание

Предисловие. Пер. А. Миролубовой	11
--	----

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГАЛАКТИКИ

О расизме, войне и политкорректности

О миграциях. Пер. М. Визеля	17
Война, насилие, справедливость. Пер. М. Визеля	21
Изгнание, Рушди, глобальная деревня. Пер. М. Визеля	25
Сколько стоит обрушить империю? Пер. М. Визеля	29
Повешенье в прямом эфире, за ужином. Пер. М. Визеля	33
New York, New York, what a beautiful town! Пер. М. Визеля	36
Синагога Сатаны и «Протоколы Сионских мудрецов».	
Пер. А. Миролубовой	40
Снова о синагоге Сатаны. Пер. А. Миролубовой	44
Тело и душа. Пер. М. Визеля	48
Политкорректность или нетерпимость? Пер. М. Визеля	52
Об одном процессе. Пер. М. Визеля	56
Косово. Пер. М. Визеля	70

БРЕГА ЛЮБИМЫЕ

Итальянские хроники

Стоит ли убиваться из-за телевидения? <i>Пер. М. Визеля</i>	83
Нюансы Сопротивления. <i>Пер. М. Визеля</i>	87
Мои сочинения о дуче. <i>Пер. М. Визеля</i>	91
Несколько веских причин, чтобы бросить бомбу. <i>Пер. М. Визеля</i>	95
О шпионах. <i>Пер. М. Визеля</i>	99
«Коррида» Коррадо и настоящая страна. <i>Пер. М. Визеля</i>	103
Стыдно не иметь врагов! <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	109
Заметочки о каникулах off-shore. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	113
Памяти Джинджер Роджерс. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	117

РЕЧЕНИЙ ИСТИННЫХ ВЫСОКОЕ ЗЕРЦАЛО

Языки и модели поведения

Как наговорить плохих слов в момент. <i>Пер. М. Визеля</i>	123
Как публично сквернословить. <i>Пер. М. Визеля</i>	127
Профессионализм. <i>Пер. М. Визеля</i>	130
Девочки, знайте свое место. <i>Пер. М. Визеля</i>	134
Неохомейнизм в американских университетах. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	138
Писать политически корректно. <i>Пер. М. Визеля</i>	142
Футбольное извращение. <i>Пер. М. Визеля</i>	146
Деррик, или Страсти посредственности. <i>Пер. М. Визеля</i>	150
Краткие заметки о психологии городов. <i>Пер. М. Визеля</i>	154

Нужно ли фотографировать знаменитостей? <i>Пер. М. Визеля</i> . . .	158
Как с успехом потерпеть крушение. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	162
Воспитать вкус к «прайваси». <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	166
Демократия — угроза демократии. <i>Пер. М. Визеля</i>	170
Кто похож на Жерара Филипа? <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	173

ТО, ЧТО РАЗЛИСТАНО ПО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ

От книги к гипертексту через web

Ты ненормальный, де Мауро! <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	179
Книги для справок и книги для чтения. <i>Пер. М. Визеля</i>	183
Чтение кончиками пальцев. <i>Пер. М. Визеля</i>	187
Бестселлер. <i>Пер. М. Визеля</i>	189
Не пугайтесь гипертекста. <i>Пер. М. Визеля</i>	193
Как избавиться от Windows. <i>Пер. М. Визеля</i>	197
Mac vs DOS. <i>Пер. М. Визеля</i>	201
Ночь греха. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	204
Кишечник мистера Х. <i>Пер. М. Визеля</i>	208
О компьютерных иконках. <i>Пер. М. Визеля</i>	212
Правда, только правда. <i>Пер. М. Визеля</i>	216
Вавилонская беседа. <i>Пер. М. Визеля</i>	220
О значении прописных букв. <i>Пер. М. Визеля</i>	223
E-mail, подсознательное и Суперэго. <i>Пер. М. Визеля</i>	227
Много ли мы изобретали? <i>Пер. М. Визеля</i>	231
Путешествия по интернету. <i>Пер. М. Визеля</i>	235
Сочиненные истории и истории для сочинения. <i>Пер. М. Визеля</i> . .	239

ПУСТЬ ДАЖЕ ГОВОРИТЬ — НАПРАСНЫЙ ТРУД

Полемика о средствах информации

Судебный процесс по телевидению — покушение на конституцию. <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	245
Если обвиняемый согласен, кто даст гарантию свидетелю? <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	249
Сталинская закуска? <i>Пер. М. Визеля</i>	253
Газеты все чаще ведут себя как дети. <i>Пер. М. Визеля</i>	257
На телевидении доказывают не отсутствие вины подсудимого, а незаконность обвинения. <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	263
Опрос по поводу опросов? <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	267
Седалище сенатора. <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	271
Как дать новость о новости, что новости не подлежат вторичной переработке. <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	275
Мизансцена нерешимости. <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	279
«Опус Деи» опровергает слухи, будто я — Антихрист. <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	283
XXXXXXXXXXXXX. Вы прочли как надо: xxxxxxxxxx. <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	287

ДЗАНДЗАВЕРАТА ИЗ СВИНЯЧЬИХ НОЖЕК

Заметки о литературе и искусстве

Почему книги продлевают нам жизнь. <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	293
Если не считать Тото, Чаплин лучше. <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	297
Радость! Возжигаюсь бесконечным. <i>Пер. А. Миролюбовой</i>	301
Сходите в Лувр — это предок запинга и блоба. <i>Пер. М. Визеля</i> . .	305

Клочковатые книги. <i>Пер. М. Визеля</i>	309
О широте и глубине познаний. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	313
Эклога классикам. <i>Пер. М. Визеля</i>	317
Трактат о зубочистках. <i>Пер. М. Визеля</i>	321
Какая гадость эта Пятая симфония. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	325
Ночь была темной и ветреной. А какого числа?	
<i>Пер. М. Визеля</i>	333
Интеллектуал как бутоньерка. <i>Пер. М. Визеля</i>	337
Первый долг интеллектуала: молчать, когда от него	
нет проку. <i>Пер. М. Визеля</i>	341
Сколько книг мы не прочитали? <i>Пер. М. Визеля</i>	345
Этика, эстетика и аэрозоль. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	349
«Иоанн Крестильщик». <i>Пер. М. Визеля</i>	354
Произведение и поток. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	358
Так что такое постмодернизм? <i>Пер. М. Визеля</i>	362

ДАЙТЕ МНЕ ПОРЕЗВИТЬСЯ

Рассказики

Бруно. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	369
История Мишки Анджело <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	373
Первая ночь моей жизни. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	377
Баклан с Шетландских островов. <i>Пер. М. Визеля</i>	381
Хуан Феликс Санчес. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	385
Дочки мадамы Доре (постмодернистский	
и гипертекстуальный рассказ). <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	389
Размышления о путешествии во времени. <i>Пер. М. Визеля</i>	393

Красная Шапочка, USA 1997. <i>Пер. М. Визеля</i>	397
Как тайное стало явным. <i>Пер. М. Визеля</i>	401
Как научиться хорошо писать. <i>Пер. М. Визеля</i>	405
Почему? <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	409

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ СУДЬБЫ ПРОГРЕССА

Прогнозы на третье тысячелетие

О, как молодость прекрасна! <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	415
Кто был сначала — человек или курица? <i>Пер. А. Мифолобовой</i> . . .	419
Говорите мне «ты», мне всего пятьдесят! <i>Пер. М. Визеля</i>	423
Мамочка, что такое «брат»? <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	427
Сумасшедший ученый решил меня клонировать. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	431
Евгеника — не точная наука. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	435
Древние хроники 2090 года. <i>Пер. М. Визеля</i>	439
Как подготовиться к безмятежной кончине. <i>Пер. А. Мифолобовой</i>	443

Предисловие

Рубрика «Картонки Минервы» с марта 1985 года появлялась в журнале «Эспрессо» еженедельно, а с марта 1988 года — раз в две недели. Некоторые «картонки», представляющие собой сатиру на современные нравы, были в 1992 году отобраны для книги «Второй мини-дневник», однако и среди исключенных, как мне кажется, есть достойные опубликования. Таким образом, задумав выборку, которая охватывала бы последнее десятилетие, я вынужден был пересмотреть около пятисот «картонок». Понятно, что около двух третей пришлось исключить.

Прежде всего были отсеяны «картонки», настолько связанные с каким-то событием, на которое я намекал в эллиптической форме, что я сам, перечитывая их через несколько лет, не мог понять, о чем идет речь. Такая тактика могла бы исключить все мои выступления на злободневные темы, но, если темы мне казались действительно важными, я брал обширные статьи из других источников, например из книги «Пять эссе на темы этики» (издательство «Бомпиани», 1997).

В двух случаях я решил поместить статьи, для которых формат «картонок» оказался недостаточным и которые я опубликовал в других местах: этим объясняется появление в данном сборнике статьи, посвященной делу Соффри («Микромега» 3, 1997), и статьи, напечатанной в «Республике» во время войны в Косово.

Также я вынужден был исключить многие «картонки», посвященные памяти ушедших друзей и учителей. Их оказалось слишком много для одного десятилетия по той простой причине, что все люди смертны. Меня утешает тот факт, что этих людей помнят и будут помнить долго, независимо от моих прочувствованных некрологов.

Еще я выкинул все «картонки» (а они нравились читателям, судя по огромному количеству откликов, которые я получал), посвященные так называемым «забавам». Но многие из них я опубликовал во «Втором мини-дневнике», к тому же игры такого типа (весьма познавательные, поскольку вызвали к жизни целую школу соревнующихся между собой подражателей) уже появились в сети, на сайте Golem (www.ivistagolem.com).

Некоторые «Картонки» я не включил, сочтя их лишними, в том смысле, что год за годом я возвращался к какой-нибудь одной теме. Пару раз я слил воедино две «картонки», освещавшие одну и ту же проблему с двух сторон. И все же я пощадил несколько «скукотищ», поскольку в иных случаях возвращение к одной и той же теме означает, что данные явления или полемики раз за разом возникают в итальянских средствах массовой информации. В подобных случаях навязчивое повторение — вина не моя, а общества. Например, если каждый новый сезон вновь разгора-

ется дискуссия о будущем книги, чувствуешь своим долгом утешить страждущие души, поскольку они никак не хотят утешиться сами, даже в свете совершенно очевидной истины.

В каких-то местах я подправил стиль, потому что «картонка» — еженедельная рубрика, а спешка ведет за собой небрежности без числа. Я устранил вступления, вводные слова и заключительные фразы, которые при повторном прочтении мне показались ненужными, и, наоборот, ввел краткие пояснения. Дело в том, что объем «картонок» предписан еженедельником, поскольку они должны заполнить последнюю страницу: если текст слишком длинный, его сокращают; если слишком короткий, к нему обязательно нужно что-нибудь добавить. Таковы условия журналистской работы. И все же должен сказать, что, сочиняя «картонки», я приобрел ценный опыт: попытаться выразить свои мысли в определенном количестве знаков — упражнение, которое я посоветовал бы любому.

Вы увидите, что во многих «картонках» речь идет не о современности. Может быть, стоит повторить то, что я уже говорил в самой первой «картонке» серии. Название рубрики связано с прямоугольными кусочками картона, к которым крепятся спички «Минерва», а еще с тем, что на обороте этих картонок часто записывают адреса, список покупок или (как это делаю я) стенографические заметки о том, что приходит в голову в поезде, в баре, в ресторане; когда читаешь газету, смотришь на витрину, роешься на полках в книжном магазине. И я установил с самого начала, что если каким-то вечером, по причинам, которые никого не касаются, я вдруг пустился в размышления о Гомере, зна-

чит, о нем я и напишу, хотя бы его имя и не появлялось в эти дни на первых полосах газет. Как видите, я частенько так поступал, хотя и не всегда писал о Гомере.

Другое правило, которому я следовал в этой рубрике, — то, что не стоит труда писать целую статью, доказывая, что нехорошо убивать свою маму, поскольку все и так согласны, что такое поведение неправомерно. Такая статья была бы довольно демагогическим излиянием прекрасных чувств. Возможно, следует что-то написать, когда слишком многие считают, что того, кто убил свою маму, тоже нужно убить, с полного одобрения государства. Я не написал ни одной «картонки» о растлении малолетних или о скверном обыкновении бросать камни с виадука еще и потому, что предвидел: в данном номере еженедельника эти прискорбные явления будут с достаточной полнотой освещены и подвергнутся справедливому осуждению. Но когда в разных странах устраивались многотысячные марши против педофилов, мне казалось полезным прокомментировать именно это явление.

Вы увидите, что эти «картонки», несмотря на шуточный тон, почти всегда писались в порыве раздражения. Очень редко в них говорится о том, что мне нравится, и гораздо чаще — о том, что не нравится. Но в мире слишком много скверных вещей, достойных осуждения, и найдутся люди, которые тут же обвинят меня в том, что я умолчал о многом из того, что получило широкую огласку. Прошу прощения: в тот момент я отвлекся на что-то другое.

Милан,
5 января 2000

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГАЛАКТИКИ

*О расизме, войне
и политкорректности*

О миграциях

В прошлый вторник, пока все газеты публиковали бесчисленные статьи о волнениях во Флоренции, устроенных выходцами из Северной Африки, в «Республике» появилась карикатура: два силуэта, которые изображали огромную Африку, нависающую над маленькой Италией, а рядом — Флоренция, слишком миниатюрная даже для того, чтобы отметить ее крохотной точкой (и под ней подпись: «Где полиция нужнее всего»). В это же время в «Коррьере дела сера» была представлена история климатических изменений на нашей планете, начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры вплоть до наших дней. И из этой подборки становилось понятно, как благоприятные или неблагоприятные условия жизни на том или ином континенте постепенно приводят к миграции — масштабным переселениям народов, которые изменили лицо планеты и создали те цивилизации, о коих мы сейчас знаем из истории или благодаря собственному опыту.

Сегодня, говоря об острой для всех стран Евросоюза проблеме так называемых «внесоюзных лиц»¹ (изящный эвфемизм, который, как уже не раз подмечалось, можно также применять к швейцарским гражданам и к тexasским туристам), мы по-прежнему считаем, что речь идет именно об иммиграции. Действительно, когда несколько сотен тысяч граждан какой-то перенаселенной страны хотят перебраться на жительство в другую страну (например, итальянцы — в Австралию), это иммиграция. И вполне естественно, что принимающая страна вправе регулировать поток иммигрантов в соответствии со своими возможностями их ассимиляции. Это подразумевает также право арестовывать и высылать из страны иммигрантов-правонарушителей — точно так же, как и своих собственных граждан, если они совершают преступления, или богатых туристов, если они везут контрабанду.

Но сегодня в Европе мы имеем дело не с иммиграцией. Мы наблюдаем феномен *миграции*. Разумеется, она лишена стремительности и жестокости вторжения германских племен в Италию, Францию и Испанию, ярости арабской экспансии после Хиджры² и неторопливости неисчислимых людских потоков, когда загадочные народы из Азии перебирались в Океанию и, возможно, в обе Америки через

1 «Внесоюзные лица» — не принадлежащие к странам Европейского Союза — так в Италии называют иммигрантов. (Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, прим. перев.)

2 *Хиджра* (переселение; араб.) — бегство Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Ясриб (Медину) в сентябре 622 г. (датируется по юлианскому календарю), после чего началась активная проповедь мусульманства с последующим объединением вокруг Мухаммеда многочисленных разрозненных племен. С «года Хиджры» ведется мусульманское летосчисление.

исчезнувшие ныне сухопутные перешейки. Но это другая глава истории планеты, которая видела цивилизации, образовавшиеся и исчезнувшие на гребнях великих миграционных волн. Сначала — с Запада на Восток (но мы об этой волне очень мало знаем), потом с Востока на Запад, начиная тысячелетнее движение от истоков Инда к Геркулесовым столбам¹ и потом, через четыре столетия, — от Геркулесовых столбов в Калифорнию и к Огненной Земле.

Нынче миграция не так заметна, потому что принимает обличье авиапутешествия, очереди в отдел регистрации иностранцев в муниципалитете или баржи с беженцами, пробирающимися с бедного и голодного Юга к Северу. Она напоминает иммиграцию, но это именно миграция — исторический процесс, значение которого сейчас невозможно оценить. Это не перемещение огромных орд, после которых не растет трава там, где ступали копыта их коней, а переход отдельными незаметными группками, что занимает не столетия и тысячелетия, а десятилетия. И, как во всех великих переселениях, результатами его окажутся этническая встряска территорий, неизбежная смена обычаев, непрекращающееся перемешивание, которое изменит цвет кожи, волос, глаз местных жителей так, что это будет заметно статистически, — подобно тому, как благодаря немногочисленным норманнам на Сицилии укоренились блондины с голубыми глазами.

Великие миграции, по крайней мере в исторические времена, ужасают; поначалу, стремясь остано-

1 *Геркулесовы столбы* — скалы, обрамляющие Гибралтарский пролив.

вить миграцию, римские императоры возводили одно *vallum* (укрепление) за другим, посылая вперед легионы для покорения оказавшихся поблизости чужеземцев; потом, придя к согласию, упорядочивали первые законы, распространяя римское гражданство на всех подданных империи; однако с падением римского владычества в конце концов образовались так называемые романо-варварские королевства, которые дали начало нашим европейским странам, языкам, на которых мы сейчас с гордостью говорим, нашим политическим и общественным институтам. Встречая на ломбардской автостраде деревушки, носящие названия Узмате, Бьяндрате, мы даже не отдаем себе отчет в том, что эти окончания — лангобардские. С другой стороны, откуда взялись эти совершенно этрусские улыбки — их до сих пор можно увидеть на стольких лицах в Центральной Италии?

Великие миграции неостановимы. И надо просто приготовиться к жизни на новом витке афроевропейской культуры.

Война, насилие, справедливость

Бывают ли справедливые войны? Дискуссия на эту тему, смущающая умы вот уже две недели¹, осложнена неточностью определений. Точно так же мы могли бы обсуждать, что тяжелее: две параллельные прямые или один квадратный корень. Чтобы понять, в чем суть вопроса, попробую его переформулировать. Будем считать, что насилие — это зло. Но бывают ли случаи, когда насильственные действия оправданы? Понятно, что «оправданны» не значит «хороши и желательны». Биологически отрезать ногу нежелательно, но в случае гангрены это становится оправданно.

Даже убежденные непротивленцы признают, что насилие бывает допустимым; в конце концов, даже Иисус, изгоняя торгующих из храма, повел себя несколько грубо. Не только религии, но и природная этика подсказывает, что, если кто-то покушается

¹ Имеются в виду *две недели* с 17 января 1991 года, когда началась «Война в заливе».

на нас, на наших близких или просто на невинного и незащищенного, вполне естественно отвечать насильственным образом — пока опасность не будет устранена. И поэтому, когда провозглашают, будто сопротивление — это оправданная форма насилия, подразумевается, что, оказавшись лицом к лицу с постоянными репрессиями и невыносимой тиранией, народ имеет право на восстание. Не вызывает также сомнений, что перед лицом агрессии одного диктатора все мировое сообщество также вправе отреагировать насильственным образом.

Проблема возникает со словом «война». Это проблема такого же рода, как и со словом «атом». Им пользовалась греческая философия, и им пользуется современная физика, но в двух разных смыслах: когда-то им обозначали невидимую частичку, а теперь — совокупность элементарных частиц. Тот, кто станет читать Демокрита, применяя термины из ядерной физики, ничего не поймет. И наоборот. Далее: кроме того, что в обоих случаях гибли люди, обнаружится мало общего между Пуническими войнами¹ и Второй мировой войной. А к середине XX века война стала событием, которое по размеру охваченной территории, возможностям управления, вовлеченности народов в другие части света имеет мало общего с наполеоновскими кампаниями. Короче говоря, если в прошлом ответная, оправданная реакция на действия провокатора могла принимать вид открытых боевых действий, то сейчас возможна ситуация, когда боевые действия — это форма

1 *Пунические войны* — три войны (264–146 до н. э.) между Римом и Карфагеном.

насилия, которая не осадит обидчика, а, наоборот, подхлестнет его.

Последние сорок пять лет мы наблюдали другую форму сдерживания предполагаемого противника (я использую обтекаемые термины, потому что они могут относиться и к США, и к СССР) — холодную войну. Ужасная, несправедная, полная скрытых угроз, лишь местами вырывавшихся на поверхность, она исходила из той концепции, что открытая война не даст никакого преимущества «хорошей» стороне. Холодная война стала первым случаем, когда мир осознал, что само понятие «войны» изменилось и что современная война не имеет ничего общего с классическими конфликтами, когда с одной стороны в конце концов оказываются проигравшие, а с другой — победители (не считая таких редких случаев, как Пиррова победа). Если бы меня спросили месяц назад, в какой форме оправданные ответные шаги могли бы заменить открытые боевые действия в случае с Саддамом, — я бы ответил: *холодное сдерживание*, причем очень серьезное, даже жестокое — вплоть до пограничных стычек, и с такой системой контроля (и соответствующей правовой базой), чтобы любой западный торговец, который продаст Саддаму хоть один гвоздь, угодил бы в тюрьму. И за год его оборонительные и наступательные технологии придут в полную негодность. Но что толку думать о вчерашнем дне.

Однако же мысли о завтрашнем дне и просто повседневные размышления подсказывают нам: если кто-то нападает на тебя с ножом, ты имеешь полное право ответить ударом кулака. Но если ты Супермен и знаешь, что твоя затрещина швырнет против-

ника на Луну, и тогда наш спутник сойдет со своей орбиты, что нарушит гравитационное равновесие: Марс врежется в Меркурий и так далее, — задумайся на мгновение. И еще подумай и о том, что, возможно, гибель Солнечной системы — как раз то, чего добивался твой противник. А ты ему не должен это позволить.

Изгнание, Рушди, глобальная деревня

Не знаю, существуют ли исследования по социальной истории преследуемых людей. Не преследования и нетерпимости как таковых — такие уже есть (как, например, неплохая книга Итало Мереу¹), а разбор роли и участи преследуемого в глазах общества. Не того, кто умер под ударами преследователей, а того, кто сумел ускользнуть, выбрав жизнь в изгнании.

В прошлом истории изгнания, как правило, были полны горестей и унижений. Ведь даже Данте, один из тех, к кому, в конце концов, неплохо относились за пределами родной Флоренции, тем не менее познал, «как горестен устам чужой ломоть»². Такие личности, как Джордано Бруно, прежде чем их схватили враги, пользовались огромным уважением на чужбине, но всегда находились люди, готовые возве-

¹ *Итало Мереу* (1921–2009) — итальянский философ, автор книги «История нетерпимости в Европе» (*Storia dell'intolleranza in Europa*, 1979).

² Данте Алигьери, «Божественная комедия», «Рай», XVII, 58–59, перевод М. Лозинского.

сти на них хулы и подстроить ловушку. Не говоря уж о Мадзини¹, который, и без того склонный к меланхолии, в эмиграции всегда мрачнел еще больше.

В XX веке судьба изгнанника начала меняться к лучшему. С одной стороны, он стал приобретать мрачное, бунтарское очарование проклятого поэта, порочного эстета. Вплоть до конца XIX века к таким персонажам относились плохо, вытесняя их на мансарды и обрекая на чахотку, однако в следующем столетии они оказались ценным товаром: их стали принимать в приличных домах и в культурных институтах, приглашать на званые ужины, устраивать для них круизы и конгрессы, цель которых — исследовать закономерности бунтарства. С другой стороны, развитие демократии привело к тому, что все стали поддерживать изгнанников и оказывать им знаки внимания — этим живым символам борьбы с деспотизмом. И так вышло, что в XX веке положение тех, кто бежал по религиозным или политическим убеждениям, стало в конце концов если не приятным (оставим в стороне приступы ностальгии по далекой родине), то, во всяком случае, сносным. А кое для кого весьма выгодным — изображая преследуемого, даже не будучи им, можно было рассчитывать на материальную помощь от какой-нибудь спецслужбы.

Начать стоит с бежавших от революции русских великих князей. Хотя им и случалось работать танцовщиками в парижских кабаре, их хорошо принимали, и они пользовались достаточным вниманием

¹ Джузеппе Мадзини (1805–1872) — политик, революционер, один из вдохновителей объединения Италии. Провел в эмиграции во Франции и в Великобритании свыше 20 лет.

дам, которые хотели облагородить свои капиталы. Не будем говорить о кубинцах в Майами (вот где вечный праздник!), достаточно вспомнить, как в 60–80-е годы длилась бесконечная вечеринка политэмигрантов — сначала чехословацких, потом чилийских, потом аргентинских, а позже авторов самиздата и т. д. и т. п. — в соответствии с сезонными приливами энтузиазма (и охлаждения), спровоцированными разнообразными переворотами, революциями, сменами парадигмы.

Все закончилось с делом Рушди. Оно продемонстрировало следующее: благодаря тому, что СМИ могут сейчас же раструбить на весь мир, что Рушди приговорен к смерти и что на этой планете больше не осталось места для изгнанника. Это что-то новое. Не то что мы возвращаемся от позолоченного изгнания, характерного для XX века, к мучительному изгнанию прошлых веков. Просто-напросто больше некуда скрыться. Где бы ты ни был — ты на враждебной территории.

Можно привести банальное сравнение с необитаемым островом. В мире больше не осталось таких позабытых, не испорченных туризмом мест, куда можно было бы удалиться и спокойно отдохнуть. На самом отдаленном атолле найдутся какие-нибудь организованные «отдыхающие», прибывшие чартерным рейсом. И точно так же, только это уже не столь комично, в любой точке земного шара тебя может поджидать потенциальный убийца. А приказ уничтожить тебя передадут по сотовому телефону или в виде закодированного послания, невинного на первый взгляд, во время телевикторины.

Слова, казавшиеся некогда просто шуткой: «Остановите Землю, я слезу», звучат сейчас отчаянной мольбой, обреченной пропадать втуне. Как раз такую ситуацию Маклюэн называл «глобальной деревней». Но глобальной — не потому, что электронные средства коммуникации дают пользователям возможность полюбить и возжелать то же, что любят и желают их антиподы, отделенные от них тысячами и тысячами километров. Для многих такая стандартизация оказалась источником удовлетворенности и внутреннего покоя. И не потому, что теперь все стали нашими ближними. Глобальной она стала потому, что где угодно может возникнуть лицо врага, который совсем не является твоим ближним, желает совсем не того, чего желаешь ты, и совсем не расположен подставлять тебе вторую щеку, потому что метит прямо в сердце.

И нельзя слезть, нельзя остановить представление. Больше невозможно «уехать в деревню»: она стала настолько глобальной, что даже не получится больше показать врагу пятки, удирая от него по прямой. Об этом быстро сообщат другому, и он двинется тебе навстречу, огибая глобус.

Сколько стоит обрушить империю?

Вэти печальные дни, когда я читаю о жестокостях, творящихся на Балканском полуострове¹, я вспоминаю свой разговор с Жаком Ле Гоффом² вскоре после падения Берлинской стены³. Уже чувствовалось, что советская империя крошится, хотя тогда трудно было предвидеть, как быстро все произойдет (возможно, благодаря глупому путчу в прошлом августе).

Ле Гофф начал тогда распределять темы и подбирать участников для серии книг по истории Европы, которые должны были выйти в четырех или пяти европейских издательствах⁴, и по этому случаю я пред-

1 Имеется в виду Боснийская война 1992–1995 гг., острый межэтнический конфликт между вооруженными формированиями сербов и мусульмано-хорватской федерации, разгоревшийся на территории Республики Босния и Герцеговина сразу после ее отделения от Югославии и сопровождавшийся массовыми жестокостями в отношении мирного населения с обеих сторон. Общее число убитых составило около 200 000 человек.

2 *Жак Ле Гофф* (1924–2014) — выдающийся французский историк, принадлежащий к «Школе анналов», автор многочисленных трудов по истории средневековой Европы.

3 *Падение Берлинской стены* — 9 ноября 1989 года.

4 Имеется в виду серия «Становление Европы», для которой сам Эко написал книгу «Поиски совершенного языка в европейской культуре».

ложил ему заказать книгу о цене падения империй. Вероятно, он кому-то это поручил, не знаю кому, но главное тогда было понять — во что обходилось падение империй в прошлом, чтобы прикинуть, какова была цена краха империи советской. Теперь, я думаю, пришло время не прикидок, а прямых сравнений.

Империя — всегда вещь стягивающая и ограничивающая: это как крышка, прижатая к бурлящему котлу. В какой-то момент внутреннее давление становится слишком большим, крышка слетает, и происходит что-то вроде извержения вулкана. Я не хочу сказать, что, если бы крышка не слетела, было бы лучше; но ведь обычно она слетает по термодинамическим законам, а в физике нет ничего нравственного или безнравственного. Я говорю только, что, пока она не соскочила, соблюдается порядок, а когда это произошло — приходится платить: все имеет свою цену.

Падение Римской империи породило кризис в Европе, который продолжался, по крайней мере, шесть веков. В сущности, влияние этого долгого падения было заметно и в последующие века, и, возможно, то, что происходит сейчас на Балканах (православный Восток против католического Запада), — это все еще его отголоски. И если сегодня в Колумбии и в Перу происходит то, что происходит, и Латинская Америка не в состоянии поднять голос против Соединенных Штатов, — это всё еще последствия очень медленного распада испанской колониальной империи. Что уж говорить о медленном развале турецко-османской империи — Ближний Восток до сих пор за него расплачивается. Цену разрушения колониальной Британской империи не решусь даже прики-

нуть, а объединенная Италия возникла в результате падения недолговечной наполеоновской империи.

От вскрытия удивительного австро-венгерского котла родились по меньшей мере нацизм, Вторая мировая война и конфликт на Балканах — в очередной раз. (Но там произошло падение по меньшей мере пяти империй: Римской, Византийской, Османской, Каканской¹ и советской.)

Таким образом, когда обрушивается империя, последствия длятся веками. Что же касается исчезновения советской империи, — нет необходимости указывать на основные результаты этого события: конфликтный (хотя и объяснимый) распад государств во всей Восточной Европе; серьезные проблемы объединенной Германии; драмы армян и грузин; проблем Буша — ведь сплетни о его любовнице Дженнифер² появились только потому, что ему больше не нужно было противостоять Империи зла. Если вернуться к итальянским баранам, то и у нас окажется то же самое: кризис социалистической партии, бывших коммунистов, христианских демократов, прекращение действия пакта о ненападении между правительством и мафией³ (пакт заключен после вы-

1 *Какания* — ироническое название Австро-Венгрии (от официальной австрийской аббревиатуры «*K. u K.*»: *kaiserlich und königlich* — «кайзеровский и королевский»).

2 Речь идет о многолетней помощнице Джорджа Буша-старшего, дипломате Дженнифер Фитцджеральд (р. 1932). Их любовная связь тянулась якобы с середины 70-х годов (оба это категорически отрицали), вызывая как неурядицы в семье Буша, так и резкую критику его сотрудников, недовольных возросшим влиянием рядовой сотрудницы. Впервые об этой связи было упомянуто в 1992 г. в журнале «*Spy*».

3 17 февраля 1992 г. арестом президента уважаемой благотворительной организации было положено начало широкомасштабной кампании по искоренению коррупции и мафиозных связей в высших эшелонах власти.